

БЫСТРИНСКИЕ ЭВЕНЫ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ ГРУППЫ

А.И. Кириллова

Статья посвящена вопросам этнографического изучения быстринских эвенов и их выделения в группу в составе эвенского этноса. Освещаются история прихода эвенов на Камчатку, их изучение в XIX–XX вв. отечественными и зарубежными исследователями, затрагивается проблема этнонимии эвенов Камчатки, выявляются этнокультурные особенности быстринских эвенов.

Быстринские эвены, этнос, Камчатка, история изучения, материальная и духовная культура, этноним.

Исследование истории этнических групп, находящихся в «зоне риска», под угрозой исчезновения, является актуальной задачей. Ускорение процесса культурных изменений, глобализация и создание единой универсальной системы ценностей привели к значительным изменениям в материальной и духовной культуре, занятиях многих локальных этнических групп, а также к частичной утрате элементов самобытности. Поэтому интерес к их наследию повышается. Одну из таких групп представляют быстринские эвены, проживающие на территории Камчатского края в Быстринском районе. Быстринские эвены не принадлежат к автохтонному населению полуострова, однако сегодня это весьма значительная по численности группа в регионе, обладающая устойчивыми особенностями материальной и духовной культуры, отличающими ее от основной ветви этноса. На Камчатке эвены проживают в селах Аянка и Оклан Пенжинского района, Палана и Седанка Тигильского района, Хаилино Олжоторского района и в Быстринском районе — в селах Эссо и Анавгай. По данным переписи 1959 г., в регионе насчитывалось 1100 эвенов, в 1989 г. — 1489 (из них 713 в существовавшем тогда Корякском автономном округе) [Кривошапкин, 1997, с. 69], в 2010 г. — около 2000 чел. [Камчатским эвенкам золото не нужно, 2010, с. 2], из них 1234 — в Быстринском районе [Беседа с Коерковой А.Г.]. Данная статья посвящена вопросам истории изучения быстринских эвенов и выделения их в устойчивую этнотерриториальную группу.

При изучении эвенов в целом и отдельных групп исследователи сталкивались с проблемой этнонимии. У данного этноса множество наименований, которые имеют разное происхождение и активно использовались в различные исторические периоды (см. подробнее: [Хаховская, 2009]): эвены, ламуты, орочи, орочоны, тунгусы. Это создает сложности при исторических и этнографических исследованиях, так как не всегда ясно, о каком этносе идет речь. В XVII–XIX вв. в официальных документах и полевых записях исследователи называли эвенов тунгусами, что приводило к неточностям при подсчете населения, определении этнической принадлежности групп. Этим же этнонимом ученые обозначали родственных эвенкам эвенков. По данным И.С. Гурвича, даже в ходе Всесоюзной переписи населения 1926–1927 гг. допустили ряд неточностей, в некоторых районах эвены были упомянуты как «тунгусы» и отнесены к эвенкам [1966, с. 224]. Отсюда очевидна необходимость выработки и закрепления за этносом одного определенного наименования.

На рубеже XIX–XX вв. тунгусские народы, в том числе эвенов, изучал С.К. Патканов, трудившийся в Санкт-Петербургской академии наук в 1886–1917 гг., создавший на основании данных переписи 1897 г. комплексный «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири...» [1906]. Его исследования были направлены на классификацию тунгусских племен. Именно Патканов предложил ввести в научный оборот этноним «эвены» и провел границу между эвенками и эвенками на основе анализа их материальной и духовной культуры [1906, 1912]. М.Г. Левин и И.С. Гурвич определяли эвенов следующим образом: «по своему происхождению, языку и культуре близки к эвенкам. Они расселены северо-восточнее эвенков и соседят на севере и северо-востоке с юкагирами, коряками и чукчами» [Народы Сибири, 1960, с. 760]. Согласно определениям в современных российских словарях-справочниках, эвены — это родственные эвенкам народ; они расселены группами на территории Магаданской области, Республики Саха (Якутия), Камчатского и Хабаровского краев [Агеева, 2000, с. 398–400]. По данным энциклопедии

«Британика», эвены — «это северосибирский этнос, близкородственный эвенкам. Территория расселения к северу и северо-востоку от Эвенкийского автономного округа, где они оказали влияние и сами, в свою очередь, подверглись влиянию соседей. Эвены, поселившиеся на Камчатке, оказались под сильным влиянием чукчей...» [Even, 2009].

Эвенский этнос в целом делится на две крупные ветви — восточную и западную. К восточной относятся эвены, проживающие на Колыме, Камчатке, Охотском побережье, к западной — на Индигирке и в Якутии. Филологи подразделяют эвенский язык на три диалекта: арманский, восточный и западный [Кривошапкин, 1997, с. 56–57]. В рамках восточного диалекта выделяется камчатский (в трудах камчатских исследователей — быстринский) говор [Авак, 2010; Бурыкин; Ильинская, 2008; Лебедев, 1978]. Данный говор характеризуется отличиями в нормах графики слов (написание буквы 'а' в непервых слогах слов с переднерядовой огласовкой [Бурыкин]), фонетики и употреблении лексических единиц, наличием лексем, возникших под влиянием контактов с корякским населением полуострова.

В статье «Заметки об эвенах-быстринцах» К.Г. Кузаков впервые вводит в научную терминологию этноним «эвены-быстринцы», выделяя их в особую группу эвенского этноса [1968]. На современном этапе для этноса в целом используется наименование «эвены», а при обозначении отдельных групп добавляется название территории, на которой данная группа проживает: например, тусягирские, охотские, березовские, быстринские эвены и т.п.

До XVIII в. эвены проживали на территории Восточной Сибири, в бассейне р. Лены. Активные миграционные процессы начались в период освоения русскими Сибири, в конце XVII — начале XVIII в. По мнению И.С. Гурвича, «особенности традиционного хозяйства эвенов — сочетание охоты с содержанием крупных стад домашних оленей — позволили им в XVIII–XIX вв. расширить свою этническую территорию за счет ослабевших и уменьшившихся в численности соседей» [1966, с. 264]. Кроме того, эвены были вынуждены платить ясак пушниной, а размер налога был высок, следовательно, началась добыча соболей в значительных масштабах, что привело к сокращению численности пушного зверя. В поисках новых мест для охоты и желая избежать налогового бремени эвены устремились на ранее чужие для них территории, где обитали другие этносы. Так эвены начали продвижение в район верховий Омолона и Гижиги. Как отмечает И.С. Гурвич, еще в 1790 г. в районе Гижиги постоянно кочевали эвены: «из списка ясачных плательщиков видно, что это были члены Уяганского рода... но часто появлялись и тауйские эвены Долганского рода» [1966, с. 82]. Кроме того, ученый указывает еще одну причину перемещений групп эвенов — голод.

По сведениям И.С. Гурвича, «переселенцы-эвены, проникшие в центральную часть Камчатки, обосновались в безлюдных районах срединного хребта (верховья реки Быстрой). На протяжении короткого периода они обособились в хозяйственном и культурном отношении от основной массы своих материковых собратьев. В хозяйстве и культуре камчатских эвенов уже в XIX в. наблюдалось переплетение собственно эвенских элементов с корякскими и камчадалскими» [Там же, с. 159]. Как показывают исследования, «важнейшей отраслью хозяйства эвенов была охота. Во время зимних кочевок охотились на пушного и мясного зверя. Пушная охота имела товарное значение. Она приносила до начала XX в. 90 % денежного дохода» [Народы Сибири, 1960, с. 763]. После переселения на Камчатку у эвенов охота, бывшая поначалу основой хозяйства, приобрела подсобное значение: добывали пушнину для уплаты ясака. Долгое время для этого использовали шкурки белок. Главным занятием стало оленеводство, возросла роль рыбной ловли и рыбозаготовок.

О приходе эвенов на Камчатку, и в частности об их появлении в Петропавловске, можем узнать из труда Карла фон Дитмара «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.». Дитмар — известный немецкий ученый, работавший на Камчатке в 1850-х гг.; написанный им по итогам путешествий по региону вышеназванный научный трактат был издан во многих странах мира. Об его исследованиях существует множество положительных отзывов: «заметки географические переплетаются с заметками этнографическими, с историческими экскурсами и яркими жанровыми сценами повседневной жизни» [Камчатка XVII–XX вв. ..., 1997, с. 51]. Изначально Дитмара направили на Камчатку для «исследования ее в географическом и, преимущественно, геологическом отношении» [Дитмар, 2009, с. 11], тем не менее четких научных инструкций он не получил, поэтому изучал регион комплексно. Описания ученого отличаются глубиной и систематичностью, истинно немецким педантизмом, создают целостную картину. Его труды вплоть до конца XIX в. оставались единственным фундаментальным исследованием Камчатки. Де-

Быстринские эвены: история изучения и выделения группы

тально быт и обычаи эвенов Дитмар не характеризует, однако его работа позволяет установить первоначальный ареал ламутов на Камчатке и примерное время их появления в регионе, а также численность переселенцев на полуострове.

Скорее всего, эвены начали переселяться на полуостров в 1840-х гг.: «Побуждаемые, вероятно, теснотой родного места, многие из них собрались всей семьей, пробрались через Пенжинский край, заселенный коряками... Сначала (полагают, что впервые они здесь появились лет 9–10 назад) ламуты избегали встречи с чуждыми людьми и всяких заселенных мест из опасения, что они будут прогнаны» [Дитмар, 2009, с. 152]. Еще до появления в Петропавловске эвены «начали посещать некоторые камчадалские остроги и по вызову местного начальства стали являться к уплате податей (ясака)» [Там же]. Наконец они решились обратиться к губернатору В.С. Завойко лично и прибыли в Петропавловск 2 марта 1852 г. Они обратились к главе региона с вопросом, где выгоднее всего продать добытые охотой шкуры соболей и лисиц. Новые поселенцы были любезно приняты губернатором: «Завойко прикомандировал к ним чиновника» [Там же]. В середине XIX в. численность эвенского (ламутского) населения на Камчатке, по данным Дитмара, составляла 35 мужчин и 37 женщин [2009, с. 152]. Эвены расселились на территории современного Быстринского района, бывшей ранее зоной кочевья для корякских оленеводов. После заселения эвены периодически встречались с кочующими со своими табунами коряками [Бергман, 2000].

Дитмар также создал подробную этнографическую карту Камчатки с примечаниями. Он впервые обозначил ареал эвенов в регионе, привел краткие сведения об их происхождении, обычаях и традициях. Карта и пояснения к ней составлены в 1853–1854 гг. в Петропавловске [Ditmar]. Описывая эвенов, автор использует этноним «ламуты» (*Die Lamuten*). Характеризует их как «кочевых оленеводов и охотников на пушного зверя». Территория расселения ламутов — центральная часть Камчатки, а также северо-запад региона, где они обитают совместно с коряками. Автор указывает на сходство жизненного уклада и рода деятельности ламутов с коряками, но подробного анализа хозяйства и быта не дает [Ibid.]. Это первая этнографическая карта, на которой нанесены места обитания эвенов на Камчатке.

В 1898–1901 гг. была организована Северо-Тихоокеанская экспедиция Джекзупа (Джекзуповская) совместно с Нью-Йоркским музеем естественной истории и Петербургской академией наук. В ней участвовали Франц Боас — профессор Колумбийского университета, директор Антропологического отделения Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, и Морис Джекзуп — директор Американского музея естественных наук. Это была первая научная экспедиция, целиком посвященная изучению культуры народов Севера. В ней работали ссыльные этнографы В.Г. Тан-Богораз и В.И. Иохельсон. В состав экспедиции В.И. Иохельсона включили по протекции акад. В.В. Радлова, его заданием было «изучение коряков с продолжением своих юкагирских исследований» [Шавров, 1997, с. 224]. Партия, в которую входили В.И. Иохельсон с женой (врач, проводившая антропологические измерения), занималась изучением коряков, юкагиров и тунгусов в Гижигинском округе. В. Иохельсон в большей мере изучал коряков и возглавлял корякский отряд экспедиции. Тем не менее в материалах и записях упоминаются и эвены, жившие на Камчатке в качестве контактного этноса [Иохельсон, 1997, с. 31, 224], быстринских эвенов в особую этническую группу тогда не выделяли. В своих трудах ученый использовал два этнонима — ламуты и тунгусы.

В 1909–1911 гг. на полуострове работала Камчатская экспедиция, организованная на средства купца-мецената Ф. Рябушинского. Возглавить этнологический отдел предложили опытному российскому этнографу В.И. Иохельсону. Основной задачей экспедиции было выявление связей коренных народов Сибири и Камчатки с населением Аляски. Для этого запланировали систематическое изучение населения Чукотки и Камчатки. В 1910–1911 гг. на территории расселения коряков и ительменов работал специальный отряд экспедиции. Эвены упоминаются в материалах исследований как контактный этнос: исследователь посещал и ламутские кочевья [Шавров, 1997, с. 228].

Результаты исследований Камчатки В. Иохельсон обобщил в том числе в труде «The Country of the Kamchadals». Оригинал записей хранится в Нью-Йоркской публичной библиотеке и был подготовлен к публикации на английском языке Д. Коэстером для проведения полевых исследований на Камчатке в 1993–1994 гг. [Jochelson], в 1999 г. был составлен машинописный перевод труда на русский язык [Иохельсон, 1999]. Так как В.И. Иохельсон был связан с организацией «Народная воля», в 1887 г. его выслали на 10 лет из Петербурга в Сибирь. Из-за его

социалистического прошлого Академия наук с большим нежеланием сотрудничала с ученым; кроме того, в ходе Джезуповской экспедиции за его деятельностью и контактами установили негласное наблюдение [Шавров, 1997, с. 227]. В силу тесного сотрудничества с иностранными исследователями его труды изначально были написаны на английском языке, в эмиграции он также писал на английском.

В записях «The Country of the Kamchadals», которые В. Иохельсон систематизировал в 1930-е гг., описаны камчадалы (ительмены и метисированное население Камчатки), эвены упоминаются под этнонимами «ламуты» и «тунгусы». Автор не дает подробного анализа их быта, религиозных воззрений, культуры. Тем не менее тунгусов Иохельсон уже считает неотъемлемой частью камчатского населения, не говорит о них как о чужеродном, пришлом элементе. Не менее важно то, что автор пишет о взаимодействии тунгусов, коряков и камчадалов, а также об их заимствованиях друг у друга в материальной культуре. Так, появление кольчуг (защитной брони) из нового материала у камчадалов исследователь относит к тунгусскому влиянию [Jochelson]. Помимо этой информации в книге приводятся данные переписи населения из официальных документов и записок И.И. Гапановича и В.Л. Комарова (оба исследователя бывали на Камчатке в конце XIX — первой четверти XX в.). По данным, сообщаемым Иохельсоном, ламуты и тунгусы составляли 10,3 % (5,1 и 5,2 % соответственно) населения региона [Ibid.]. Эти материалы В. Иохельсона долгое время были недоступны российским ученым, но с успехом использовались на Западе.

Не менее интересны и другие работы В. Иохельсона. Изучая коряков, ученый пишет и об эвенах. В своем ареале на Камчатке они тесно взаимодействовали с коренным населением — кочевыми оленными коряками. Весьма частыми были смешанные браки, причем «если коряк женился на тунгуске, то, по тунгусскому обычаю, справлялась свадьба, и за невесту он давал выкуп. С другой стороны, вступая в коряцкий дом, тунгусская девушка одевалась в корякскую одежду и подчинялась семейно-правовым обычаям коряков. Тунгус, женившийся на корячке, должен был отрабатывать у ее родителей» (цит. по [Вдовин, 1973, с. 256]).

Отдельно следует упомянуть Шведскую комплексную экспедицию на Камчатку (1920–1922 гг.). После этой экспедиции, организованной зарубежными учеными, наступил длительный перерыв в полевых исследованиях, проводимых иностранными гражданами на территории региона (в советские годы Камчатка оставалась закрытой для посещения иностранцами, а для граждан СССР въезд был ограничен). Экспедиция проходила в три сезона, но сведений о ней крайне мало в связи с неустойчивой тогда политической и социальной обстановкой. В ее составе работал известный шведский ученый Стен Бергман, исследовавший историю, материальную и духовную культуру народов Камчатки. Бергман путешествовал вместе с женой Дагни, которая изучала жизнь женщин у камчатских народов. Они побывали во всех селениях и многих кочевьях в долине р. Камчатки, а также на западном побережье полуострова. Особый интерес для исследователей представляла жизнь корякских и эвенских оленеводов. Автор также пытался сравнивать жизнь камчатских и шведских кочевых этносов. Бергмана интересовали вопросы, связанные с оленеводством: как организован выпас, методы, численность стад и т.п. В результате экспедиции было издано несколько монографий, собрана значительная коллекция экспонатов (орудия труда, упряжь, элементы одежды, украшения и т.п.) и фотографий, большая часть из них долгое время была недоступна советским и российским ученым. Материалы хранятся в Стокгольмском музее. В книге «По дикой Камчатке», впервые изданной в России в конце 1990-х гг., Бергман описал традиционную деятельность этносов, быт, обычаи, верования, праздники [2000]. Именно в его путевых записках появляются первые подробные сведения об эвенах, населяющих Камчатку. В его трудах используется этноним «ламуты», однако быстринских эвенов как группу он не выделял.

Шведский ученый описывает не только материальную, но и духовную культуру, например упоминает о результатах процесса христианизации. С грустью отмечает С. Бергман: «Кажется мне и печальным и смешным то, что этих достойных жалости, одетых в шкуры диких людей, не имеющих никакого отношения к цивилизации, заставили позволить окрестить себя... Почему же ламуты не должны иметь права бить в свой магический барабан, как это делали их предки с незапамятных времен?» [2000, с. 107–108]. В своих записках автор многократно упоминает о пьянстве среди местного населения. По сведениям исследователя, самыми ходовыми товарами среди местного населения были чай, табак, мука для лепешек и спирт. Причем местное население пьянело быстро и вело себя буйно. Исследователь пишет, что не раз был свидетелем

Быстринские эвены: история изучения и выделения группы

так называемых «спиртовых оргий», которые считались своеобразной формой досуга и заслуженным отдыхом. Во время путешествий по Камчатке С. Бергман пользовался услугами местных проводников, а не комиссариатов и сельских советов, поэтому ему удалось неформально пообщаться со многими носителями традиционной культуры. Исследователь побывал в нескольких группах юрт, принадлежащих разным родам, в жилищах многих семей. Труд Бергмана ценен тем, что он описывает не приукрашенную официально действительность. Поэтому, а также из-за иностранного происхождения автора его книга долгое время не публиковалась в России.

После 1924 г. изучение малых народов Севера активизируется в силу практической необходимости — «социалистического строительства». В 1926–1927 гг. была проведена Приполярная перепись, которая аккумулировала много ценных и новых сведений о хозяйстве и культуре эвенов Камчатки. По данным переписи 1926–1927 гг., на Камчатке проживало около 760 эвенов. Согласно трудам И.С. Гурвича, в то время камчатские эвены разделились на три локальные группы (по местам проживания) [1966, с. 226–232]:

— тигильские эвены. Проживали в Тигильском районе, кочевали между реками Рекинники и Анапка на севере и Напана и Седанка на юге. По данным переписи, их насчитывалось 71 чел. Они активно вступали в браки с коряками, поэтому в хозяйстве и укладе жизни данной группы было много корякских черт;

— хаилинские эвены. Проживали на территории современного Олюторского района. Численность, по данным переписи, 233 чел. Они также интенсивно вступали в браки с коряками, перенимая их уклад жизни;

— усть-камчатские (сейчас известны как быстринские). Проживали на территории современного Быстринского района, который в то время входил в состав Усть-Камчатского района. Их насчитывалось 470 чел. (самая крупная группа). Жили они обособленно. В смешанные браки вступали реже, на этой территории проживали три экзогамных рода.

Как отмечалось выше, тигильские и хаилинские эвены активно ассимилировались коряками, поэтому к 1920-м гг. практически перешли к корякскому типу оленеводства: крупные стада, кочевья зимой всей семьей, а летом — только мужчин. Каждая семья имела постоянные маршруты и территории выпаса. В отличие от них, у эвенов, проживавших на территории современного Быстринского района, было два маршрута — зимний и летний, места стоянок и перекочевки подчинялись охотничьему циклу. Кроме того, для них большое значение имели рыбный промысел (приготовление юколы для собак) и собирательство дикоросов. На местах перекочевок эвены ставили балаганы — сваевые лабазы, где летом хранились зимняя одежда и нарты, часть запасов пороха, травы и коренья, части зимних юрт и т.п.

Началу разрушения традиционной родовой системы у эвенов способствовало создание так называемых родовых Советов. При этом к роду данные Советы не имели никакого отношения. При их создании власти руководствовались географическим признаком, объединяя эвенов в группы по месту их проживания, а не по признаку родства. В 1920-х гг. на территории современного Быстринского района было сформировано три родовых Совета [Кузаков, 1968, с. 64–70]:

— Кекукнайский (в другом написании — Кекукнайский) — 12 хозяйств численностью 117 чел.;

— Анавгайский — 12 хозяйств численностью 206 чел.;

— Лаучанский — 6 хозяйств, в которых проживало 147 чел.

По подсчетам Е.П. Орловой, основанным на данных переписи 1926–1927 гг., на этой территории было 30 хозяйств, состоявших из 8 групп юрт (условно можно назвать кочевьем), с общим населением в 480 чел. [1930]. До начала коллективизации эвены сохраняли привычный им кочевой уклад и проживали родами. Именно по принципу родства и образовывались вышеупомянутые группы юрт.

К концу 1930-х гг. в Быстринском районе существовало шесть населенных пунктов: Кекук, Тваян (в другом написании — Твоян), Лаучан, Крапивная, Анавгай и Эссо. На базах Крапивная и Эссо (районный центр) процент неэвенского населения был выше.

Развитие эвенского этноса с момента появления на Камчатке и до настоящего времени идет в сторону сближения с коренными народами и пришлым населением: 1) возрастает количество смешанных браков, что ведет к увеличению числа смешанных семей. Так, по данным Е.П. Орловой, в 1925 г. на 32 семьи приходилось две смешанные [1928, с. 87], а в 2005 г. только в с. Анавгай из 112 семей смешанными являются 42 [Материалы этнографической экспедиции в

с. Аनावгай 13–21 марта 2005 г.]; 2) перенимаются нетрадиционные навыки ведения хозяйства, внедряются новые орудия труда и материалы.

Тем не менее быстринские эвены сохраняют многие черты традиционной культуры. Это позволяет говорить о том, что после переселения на Камчатку их не ассимилировали полностью коренное население и русские. До начала 1930-х гг. взаимодействие эвенов, проживавших на территории современного Быстринского района, с другими этносами, как и с основной ветвью, было очень ограничено. Это привело к тому, что у данной группы появились отличительные черты. Впервые их выделил И.С. Гурвич в очерке «Эвены Камчатской области» [1960]:

— занимались преимущественно оленеводством мясошкурного направления (в отличие от северокамчатских и материковых эвенов);

— использовали разнообразные способы передвижения (оленьи, собачьи упряжки, верховая езда на оленях и лошадях) в зависимости от того, какой вид удобен в конкретном случае;

— большую роль в их хозяйстве играло рыболовство, некоторые приемы которого они заимствовали у ительменов и русских старожилов;

— в качестве жилища долгое время использовали цилиндрическо-конические чумы, близкие к чукотско-корякской яранге, но не идентичные ей; их до сих пор возводят на рыбалках, правда из современных материалов — жердей и брезента;

— в отличие от северокамчатских эвенов, в чумах делали пологи, отделявшие одну семью от другой;

— носили распашную одежду (до перехода на европейский тип одежды), в то время как на Севере Камчатки эвены восприняли глухую корякскую кухлянку;

— в отличие от основной ветви этноса, быстринцы при обработке шкур использовали как эвенские, так и корякские методы, в то время как северокамчатские эвены перешли на корякские;

— от других камчатских групп быстринцев отличал и пищевой рацион; до коллективизации в их рационе преобладало мясо домашнего оленя, а у пенжинско-олюторских и тигильских эвенов — диких оленей, горных баранов и медведей;

— существовал комплекс ритуалов и обрядов, который подвергся меньшему культурному влиянию коряков, нежели на Севере Камчатки;

— северокамчатские эвены почитали корякские священные места, быстринские же формально считались православными;

— сохранили некоторые фольклорные жанры: нимкан — сказка о похождениях богатырей, их борьбе и перевоплощениях;

— сохранился традиционный танец норгали (но, по данным информантов, до 2000-х гг. ими практически не исполнялся танец хэдьё — в честь успешной охоты на медведя, так как его мясо мало употреблялось в пищу [Беседа с Банакановой Л.Е.]).

Таким образом, после прихода на Камчатку в процессе освоения территории современного Быстринского района быстринские эвены обособились как от основного этноса, так и от тех, кто жил на Севере Камчатки. У быстринцев появились присущие только им особенности говора, материальной и духовной культуры, уклада жизни.

Как отмечал К.Г. Кузаков, «эвены являются аборигенами, как на современной территории Быстринского района, так и в целом по Камчатской области. Их следует считать сравнительно недавними пришельцами» [1968, с. 69]. Таким образом, исследователь признавал эвенов в 60-х гг. XX в. неотъемлемой частью этнической картины полуострова, несмотря на то, что они не являлись автохтонным населением и пришли в регион в XIX в. Он же поддерживал выделение быстринских эвенов в группу, называя ее «эвены-быстринцы».

На современном этапе развития быстринские эвены сохраняют специфические элементы традиционной материальной и духовной культуры. В 2010 г. одним из ведущих видов традиционного природопользования является рыболовство и рыбообработка; на рыбалках возводятся летние цилиндрическо-конические жилища из жердей и брезента; используются разнообразные средства передвижения — лошади, изредка собачьи и оленьи упряжки (в удаленных табунах и на рыбалках); во время ритуальных действий и исполнения национальных танцев используется распашная одежда; сохраняются сказки-нимкан об Ое (записаны К.С. Черкановым [2006]); исполняются норгали и хэдьё (хранительница традиций М.П. Ломовцева помнит родовую песню своей семьи) и др. Все это позволяет рассматривать быстринских эвенов в составе эвенского этноса в качестве отдельной группы, отличающейся устойчивостью.

Быстринские эвены: история изучения и выделения группы

Несмотря на то что быстринские эвены были выделены в этноареальную группу в 1960-х гг., их изучение велось и ранее. Благодаря трудам отечественных и зарубежных исследователей собраны ценные сведения о материальной и духовной культуре эвенов Камчатки, их жизни на полуострове в до- и раннесоветский период. Полученные данные позволили И.С. Гурвичу и К.Г. Кузакову выделить быстринских эвенов в группу в составе эвенского этноса, описать особые черты их материальной культуры и образа жизни. На современном этапе изучения исследователи продолжают накапливать сведения об этой этнической группе, особое внимание уделяя духовной культуре, говору и изменениям в жизни, произошедшим под влиянием контактов с коренным населением Камчатки и русскими в досоветский, советский и постсоветский период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Авак Р. Эвенский язык и культура // Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии. 2010. С. 141–144 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.siberian-studies.org>.
- Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? // Народы России: Имена и судьбы: Словарь-справ. М.: Academia, 2000. 424 с.
- Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский: Камч. печ. двор, кн. изд-во, 2000. 163 с.
- Бурыкин А.А. Язык первого эвенского букваря и проблема становления письменного эвенского языка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0088652.pdf.
- Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 301 с.
- Гурвич И.С. Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М.: Наука, 1960. С. 63–91 (Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т. 56).
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири // Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т. 89. М.: Наука, 1966. 276 с.
- Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский: Нов. книга, 2009. 566 с.
- Ильинская Н.Г. Диалектологическая работа в Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга // Вестн. КРАУНЦ. Гуманитар. науки. № 1. 2008. С. 1–6.
- Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- Иохельсон В.И. Камчадалы / Пер. Е.Л. Пташинской [Машиноп. текст Камчатской краевой науч. б-ки им. С.П. Крашениникова]. Петропавловск-Камчатский, 1999. 110 с.
- Камчатка XVII–XX вв.: Историко-геогр. атлас / Фед. служба геодезии и картографии России. М.: Наука, 1997. 76 с.
- Камчатским эвенкам золото не нужно // Камчатское время. № 47 (821). 1 декабря 2011. С. 2.
- Кривошапкин А.В. Эвены. СПб.: Просвещение, 1997. 79 с.
- Кузаков К.Г. Заметки об эвенах-быстринцах // Краевед. зап. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. изд-во, 1968. Вып. 1. 134 с.
- Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. М.: Наука, 1978. 207 с.
- Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. 1006 с.
- Орлова Е.П. Ламуты полуострова Камчатки // Сов. Север. 1930. № 5. С. 39–48.
- Орлова Е.П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки // Сов. Азия. 1928. № 5–6. С. 84–99.
- Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 года и других источников: В 2 ч.: С приложением трех племенных карт // Зап. ИРГО по отд-нию этнографии. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва «Слово», 1906. Т. 31. Ч. 1. Вып. 1 и 2; Т. 31. Ч. 2. 175 [5], 283 [6]; 206 [3] с.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: В 3 т.: На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г. СПб., 1912. Т. 1. 175 с.
- Хаховская Л.Н. Эвены Магаданской области: К проблеме этнонимии // ЭО. 2009. № 2. С. 68–75.
- Черканов К.С. Эвенские сказки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ, 2006. 46 с.
- Шавров К.Б. В.И. Иохельсон и его «Коряки» // Иохельсон В.И. Коряки: Материальная культура и социальная организация / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб.: Наука, 1997. С. 224–234.
- Even // Encyclopædia Britannica. 2009 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/197055/Even>.
- Joehelson W. The country of Kamchadals. Typescript prepared by I. Summers and D. Koester [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.faculty.uaf.edu/ffdck>.
- Dittmar von C. Über die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen; (Mit einer Karte) // Mélanges Russes Tirés du Bulletin Historico-philologique. St. Peterburg, 1856. Т. III. Р. 1–48 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.siberian-studies.org>.

А.И. Кириллова

Источники

Беседа с Банакановой Л.Е. от 12.07.2007 г. // ПМА.

Беседа с хранителем Быстринского районного этнографического музея Коерковой А.Г., август 2010 // ПМА.

Материалы этнографической экспедиции в с. Анавгай 13–21 марта 2005 г.

*Камчатский государственный университет
astra1155@yandex.ru*

The article is devoted to the history of ethnographic studies of Bystrinsky Evenes and a question of their selection into a separate group within Evenes's ethnic group. The author illustrates a history of their arrival to Kamchatka, studies of Evenes by domestic and foreign investigators in XIX–XX centuries. Subject to investigation being also a question of ethnonymics of Kamchatka Evenes and ethnocultural features of Bystrinsky Evenes.

Bystrinsky Evenes, ethnic group, Kamchatka, history of studies, material and spiritual culture, ethnonym.